

Статейные СПИСКИ

Посольство Ивана Новосильцева в Турцию

*А се таков список дал государю
Иван же Новосильцов,
как ся во Царегороде
государево дело делалось.*

Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси послал Ивана Новосильцова во Царьгород для своего государева дела к брату своему к Селим-салтану. А велел ему итти на Рылеск, а из Рыльска на Азов. И дело государево велено Ивану ведать и беречи о всем по государеву наказу.

И как Иван пришел под Азов в ближние зимовища атаманские, от Азова за три днища, послал на перед себя к азовскому к диздар Сеферю мишкиных казаков трех человек. А велел им Сеферю про себя сказати, что он от великого государя, царя всеа Руси, идет к брату его и другу к Селим-салтану, и он бы прислал пристава и людей, чтоб ему до Азова доитти здорова.

И азовской Сефер прислал к Ивану встречу на Оксайское устье под Кобяково городище дву человек в приставы да толмача.

А в Азове оставили мишкиных дву казаков, которые посыланы с вестью, а оставляли их для того: боялися деи в Азове приходу государевых царевых и великого князя воинских людей. А про Ивана казаком не поверили.

А за десять верст от Азова встретили человек с тритцать. А приехали берегом конми, а прислал их Сеферя же для береженья казыевых татар и тумачев астраханских.

А за две версты от Азова же встретили в судех аги янычанские с людьми и с янычаны, всего их человек больше двусот. А в те поры з города ис пушек стреляли, из ручниц и по набату и по накром били и в сурны играли.

А у судового пристанища на мосту встретили Ивана азовской диздар Сефер и все турецкого приказные и городские люди и с казыевы татарове, а самого Казыя в те поры в Азове не было. А был деи до Иванова приходу за день, а приезжал в Азов для того: начаялися приходу к Азову царевых и великого князя воинских людей, а с Казыем было козаков человек с тысячу. А вышел Сефера из города к пристанищу попереж Иванова приходу и ждал его со всеми людьми. А как Иван с судна вышел, и Сефера взял Ивана под руки и проводили его в судебню перед городными вороты. А в судебне Иван с ним поговорил о дороге и о провожатых, как ему итти к Царюгороду.

Да Сефера же говорил: «Мы деи того у бога молим и просим, чтоб меж государей был мир и любовь, а начаемся деи божья милосердия и дела доброго». И до подворья проводили аги с янычаны и приставы, а Ивана чтили, и кормы на подворье присылал, доколе Иван в Азове побыл.

Да Иван же проводывал в Азове, которые турецкого салтановы люди и Крымской у Асторохани были, и куды от Асторохани пошли, и многие ли были люди, и что с ними наряду, и что их у Асторохани был промысл, и изрон людей казаков был ли, и турецким ли людям изрон был или крымским, и хто у них голова и многие ли их запасы в Азове, и которым обычаем наряд и запасы к Асторохани проводили, и суды с ними у Асторохани были ли, и для чего турецкой салтан к Асторохани войну посылал, и которые люди к салтану о том прихаживали ли бити челом; да о резанских козаках о Колмаке с товарищи, с которыми послана грамота от Ивана Михайлова х Касыму. И проведати было подлинно о том вскоре некем, потому которых было людей про то выпросити, и те все люди разошлись по рыбным ловлям до Иванова приходу, а которые воинские люди были под Астороханью, и те и достальные люди пошли из Азова во Царьгород до Иванова же приходу. А про астороханской деи поход все ведал в Азове, Микитою зовут, Мамин. И он деи поехал ко государю к Москве, а Иван Никиту встретил на Дону, как поехал ко государю. А что турецких воинских прибыльных людей в Азове не было, как Иван пришел, и о том ко государю отписал с Васильем с Александровым, которой Ивана провожал.

А государеву, цареву и великого князя, грамоту и жалованье Иван отослал к Сеферу с подворья с толмачем, и Сефер на государском жалованье бил челом.

А как Иван выезжал из города кораблей смотрити, и

Сефер ему сказывал про астороханский поход: «Посылал, господине, государь наш, турецкой салтан, к Асторохани войну для того, что ему люди поссорили и велели послати к Асторохани. А не своим, господине, умышленьем он под Асторохань войну посылал, да и потому посылал, кое меж государей давно ссылка не бывала. А ныне деи меж государей добро будет, и войны государя своего вперед сюды

не чаем на государя вашего украину». А хто меж государей ссорил и какая учинилась ссора, и Сефер про то имянно не сказал. А про Колмака с товарищи сказали после, что деи они в Азове и в Кафе были, а приходили деи искати племяни своего на откуп, а под Асторохань деи тех козаков турецкие люди имали с собою их в вожах сильно. А как пришли ис-под Асторохани и тех казаков из Азова отпустили к Москве в осень же.

Прислал к Ивану ис Керча в Азов азовской санчак Айдарбег человека своего для береженья провожати из Азова х Керчу.

А как Иван пошел из Азова х Кафе, и азовской Сефер

и все приказные люди Ивана проводили до карабля и проводить послал и корм на путь дал, да Ивана ж большой Абдула-кадый с товарищи проводили на каторги от Азова к морю верст с пять.

Сказывал Ивану полоняник на море на коробле, как Иван из Азова пошел, про астороханский поход: «Было деи под Астороханью турски людей голова Касим-бег Кафинской да восемь санчаков воевод, а с ними тысяч полтретьятцать да крымской царь, а с ним три его царевичи: большой Магмед Кирей калга, другой Алди-Гирей, третей Казы-Гирей, а с ними татар больши пятидесят тысяч; и те деи крымские татарове многие, не дошед Асторохани, назад ворочались с нужи. А турские деи люди шли ис Кафы к Азову на конях, а наряд и запас везли в судех из Царягорода и из ыных городов, которые блиско моря. А из Озова деи Касимбег и турские люди шли вверх подле Дону коньми до Царицыны речки, а наряд и запас везли Доном в судех. А шли до той же речки полтора месяца; а пришед к той речке, волочили из Дону на берег наряд и запас и суды-каторги, в которых было им судех о Переволоки итти в судех Волгою к Асторохани; да на берегу под суды и под наряд делали волоки и колеса. А стояли у берегу четырнадцать ден, а поделав волоки и колеса, пошли прочь от берегу к Волге. А шли деи половину дни; и стали ся у них волоки и колеса портити; и турские люди наряд, и подкоп, и суды, и казну, и запас, назад отворотили к Азову с капыдоном, которому наряд и запас судовой приказан, потому что было им нелзе перекопи делати и судов провадити. А больших деи с ними было только три пушки, а ядра у них были поменьши головы человекчи. Да с тем же деи нарядом и запасом и суды отпустили с капыданом человек з девятьсот; с собою деи турские люди взяли к Азову пушки немногие полковые. А крымский царь и царевичи шли полем, а с Касимом и турскими людьми сошлись выше Царицыны речки на той жа Переволоке, а сшедчися, царь посылал царевичев добывати на Волгу вверх по Дону языков и про государевых, царевых и великого князя, про воинских людей проведывати. И как царевичи поймали языков на Волге и сказали им, что государевы воеводы многие были на Волге на Царицыне острову и пошли вверх; и царь де и турские люди по тем вестем пошли к Асторохани; да с турскими же людьми под Астороханью был Казы-мурза, а с ним было татар тысеца человек. А изрон деи турским и крымским

людем, идучи к Асторохани и под Астороханью, был невеликой; а от Асторохани деи пошли прочь назад потому, что у них запасу лютцкого не стало, и к Асторохани приступити нельзя. А шли деи назад тем же местом, которым шли к Асторохани. А шли на рознь. И турским деи людем был изрон великой: и лошедьми обмерли, а мерли деи турки з голоду и с нужи. А к Озову деи их трети не дошло. И только б деи тем достальным турским людем не крымские тотарове и не Казыевы подмогли, а им деи было и достольным перепропасти; а подвозили их крымские и казыеве тотарове. Крымским деи тотаром потому изрон был невеликой, кое у них были лошади добры, а кормилися сами коньми же, которые мерли под турскими людьми. А которые турские же люди назад Доном шли с капыданом, и те, сказывают, многие с нужи померли на Дону».

Да о том же астороханском походе писали х Касыму астороханский Семен-мурза да Тенимом зовут Теребердеев с товарищи, которые наперед прибежали из Асторохани в Азов. И те татарове астороханские и з женами и з детьми живут ныне в Азове, и Иван о том о всем написал ко государю в грамоте. А послал ее ис Кафы в Крым к Офанасью Нагово с служивыми тотары: с Сибанею Резановым да с Нагаем. А приезжали те тотарове в Кафу по Иванову приказу. А приказал к ним Иван из Азова для государева дела, а Офонасей бы тое грамоту послал ко государю к Москве, с кем будет пригоже, а с ыным было тое грамоту послати до Кафы и ис Кафы ко государю не с кем.

А как Иван будет против города Керчи не доезжая Кафы, и послал к нему азовской санчак Айдар людей своих на катарге, а говорили Ивану, чтоб деи еси пожаловал виделся с Айдаром и хлеба у него ел. «А Айдар деи тебя здесе нароком дожидаетца и в Азов за тобою не поехал, да и запасу, господине, тебе на путь даст, да тебя ж для Айдар велел на берегу у моря шатры поставити, и ты б деи ехал на берег, а Айдар к тебе приедет из города и станет тебя чтити и потчивати».

И Иван им молвил: «Ехати мне на берег, ино будет мотчанье».

И айдаровы люди молвили: «Только, господине, не поедешь на берег, а Айдар боитца от Турского опалы, что тебе поехати от Керча, а Айдар тебя не чтит и не подчивал, а се, господине, к тебе ныне ехати х Кафе нельзя же: встала на море хуртина, а се ветер встречю. Да Айдар же, госпо-

дине, прислал к тебе встечю на катарге накрачеев и сурначеев и трубников».

И Иван поехал на берег потому, что встала на море великая хуртина. А как вышел ис судна на берег, и Айдар Ивана встретил, вышел из своего шатра, а с ним турецкого салтановы люди спаги и проводили Ивана до шатра и звал его хлеба ести. А ели у Ивана в шатре, а еству питье приносили от Айдара ис шатра.

Сказывал Ивану Айдар: «Посылал деи государь наш турецкой к Асторохани войну для того, что ему люди поссорили, да и того для, что деи ходят ис Кизылбаша гости в Асторохань торговати, а нашему деи государю Кизылбашской великой недруг, да и потому, что деи меж государей давно ссылки не бывало, да слух деи нас дошел — писал деи на сей весне кафинской Касим-бег к нагайским мирзам, чтоб деи они послали ко государю к Москве для того, чтоб деи государь ваш послал от себя к нашему государю посла своего, и государь деи ваш по их присылке ныне послал к Турскому».

И Иван сказал: «Всяким, господине, иноземцом в нашего государя, царя и великого князя, землю не запрещено с торгом ходити, а государь мой послал меня к турецкому салтану еще тогда, как зима настала, а не сее весны. А то слово ложно, что сказываешь о том: посылали к государю нашему нагайские мурзы, а государь наш в которые земли похочет послати, туды и посылает».

И Айдар сказал: «То есми, господине, слово слышел от Касыма-бега, будто государь ваш ныне послал к Турскому».

Да Айдар же говорил Ивану: «Присылал деи ко мне крымской царь своего человека и писал ко мне, а велел тебя спросити — велел ли деи тебе государь быти у него в Крыме и есть ли деи к нему от государя какой приказ?».

И Иван сказал: «Послал, господине, меня государь мой для своего государева дела в Царьгород к брату своему к Селим-салтану, а в Крым ко царю мне ехати — о том у меня наказу нет и быти мне у него нечего для».

А как Иван х Кафе поехал, и Айдар его проводил да каторги и запасу на путь дал и до корабля послал провожати своих лутчих людей и накрачеев и трубников, да Айдар же перед Иваном послал во Царьгород с вестью, что Иван до Керча дошел здоров, а ис Керча пошел х Кафе. А ис Кафы санчак Касим-бег прислал к Ивану в Керчь людей своих для береженья, проводить до Кафы.

А как Ивану х Кафе приходити, Касим-бег прислал к нему встечю зятя своего Синан-бега да Нозыря, которому приказано в Кафе город и на салтана збирати всякие пошлины, да янычанского агу, да с ним янычан, а говорили Ивану, чтоб ехал в город: «А дворы, господине, тебе изготовлены, где тебе стояти». А прислал Касим по Ивана на каторге ехати с корабля к берегу и людей выслал многих из города на скелю встретити и лошади по Ивана, на чем ехати на подворье. А в те поры из города ис пушек стреляли и по набату и по накрое били и в сурны играли. А как Иван вылез на берег и до подворья его проводили и поставили на подворье у Нозыря, которому город приказан, а Касим сам к Ивану встечю не вышел, а был в те поры на городской стене в полате на воротех.

А пристав был у Ивана Нозырь же да енычане. А приехав Иван на подворье, послал х Касиму государеву, цареву и великого князя, грамоту и жалованье с толмачем и приказал к нему о дороге и о корабле и о провожатых, как ехати ис Кафы ко Царюгороду.

И Касим на государьском жалованье бил челом, а приказал к Ивану: «Как деи будет время, и яз его ко Царюгороду отпущу и проводити велю».

Да после того на четвертой день, как Иван в Кафу пришел, прислал к нему Касим звати к себе хлеба ести и о государеве деи деле сами поговорим меж себя. И Иван к нему приказал, чтоб ся с ним о государеве деле видел, где будет пригож, а на подворье к нему о государеве деле наперед ехати не пригож.

И Касим прислал к Ивану звати к столу зятя своего, а сказал Ивану, что его Касим дожидаетца на городских воротех в судной полате. И как Иван приезжает к полате к леснице, и Касим против его выслал встечю турецкого салтана приказных людей. А сам Касим встретил Ивана в полате близко дверей и, сетчи в полате, поговорил о дороге, как ехати в Царьгород. И Иван у Касима того дни ел, а еству и питье приносили в полату с Касимова двора, и Ивана чтил и потчивал.

Да Касим же спросил Ивана: «С каким деи делом едешь от своего государя к нашему государю?»

И Иван сказал: «Послал, господине, государь мой, царь и великий князь, к брату своему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте».

И Касим сказал: «То, господине, государю нашему добре за честь, кое государь ваш к нему послал. А и наперед

сего меж государей послы и посланики бывали и меж их добро было. А посылал, господине, государь наш к Асторохани войну для того — посылал к нему крымской царь, а ялся: яз деи шед, тебе возму Асторохань, да и Казань деи твоя же будет. А ныне, господине, меж государей чаем добра и любви, а государь наш того хочет жа».

И Иван сказал: «Крымского, господине, перед нашим государем неправды добре много, и в слове своем в правде не стоит».

И Касим сказал: «То, господине, правду говоришь, кое он в своем прямом слове не стоит и государю вашему лжет, а потачит своим людем и слушает их, как ему велят. Да ныне, господине, тебе у Крымского быт ли?».

И Иван сказал: «В Крым ко царю мне ехати — о том у меня государева наказу нет, и быти мне у него нечего для».

Да Касим же спросил про нагайских мирз: «Как они живут со государем?».

И Иван сказал: «Нагайской Тинехмат князь и мирзы все государю нашему послушны — куды им государь велит на свое дело итти, и нагайские люди на государеву службу ходят, а государь Тинехмата князя и мирз жалует и от недругов их обороняет — приходил на них недруг их Ак-Назар, царь Казацкие орды, со многими людьми, и нагайские люди с государя нашего людьми казатцких людей побили и царевича не одного убили».

А на завтрее того, как Иван ел у Касима, посылал к нему Иван, чтобы его отпускал ко Царюгороду и корабль дал и велел бы проводить.

И Касим приказал к Ивану: «Приехал деи ис Крыму Сулеш князь, а ныне деи ему быти у меня; а прислал деи Крымской по свою алафу, что ему с Кафы идет, а которые деи Крымского люди в Кафе живут, и тем деи людем велено ему оброк дать. Да меня ж деи спрашивал Сулеш: быти ли деи Ивану у Крымского, и яз деи ему сказал: послал его государь к Турскому, а у Крымского ему быти не о чем. Да ехати деи Ивану ко Царюгороду ныне нельзя — встала на море великая хуртина и ветер встречу, а в корабле же ехати в том же, в котором приехал Иван из Азова».

Да Ивану же про то сказали, что деи присылал Крымской Сулеша в Кафу нароком вестей розведывати, и быти ли деи Ивану у Крымского, а не для деи Крымской своей олафы Сулеша присылал, а стал деи о том Крымской быти в великой кручине, что государь мимо его послал к Тур-

скому, от тех мест, как ещо про Ивана из Азова весть к нему в Крым пришла. А служилые татарове Собаня Резанов с товарищи сказали тоже, что деи царь добре кручен и дума у него и збор о том со царевичи и съ их ближними людьми была великая, кое государь, царь и великий князь, послал к Турскому.

А как Сулеш ис Кафы в Крым поехал, и Касим Ивана звал в другорядь хлеба ести, и ели в той же полате.

Иван же спрашивал Касима: «Послана к нему с Москвы грамота от Ивана Михайлова с резанскими козакки с Колмаком с товарищи, и та грамота до него дошла ли, и что по той грамоте ответ был?».

И Касим сказал, что к нему два казака принесли с Москвы грамоту. «И та, господине, грамота ныне у меня. А казаков есми подарив, которые грамоту принесли, и как, господине, государь наш послал к Асторохани и учал в Азове добывати вожей, кому б вести к Асторохани, русских людей, да не добыли, да прислали ко мне из Азова о тех козаках грамоту, кои ко мне наперед с Москвы пришли, а опричь деи тех козаков добыти вожей не мочно, а те деи козакки к Асторохани дорогу знают, и мне, господине, было тех козаков утаите нельзя, а к Москве есми их не отпустил для того — забоялся в том слова от своего государя, и тех козаков добыли и привели ко мне одного, Колмаком зовут, и послал есми его в Азов, а другой его товарищ изгиб безвестно, а что, господине, в грамоте написано в Иванове, и яз, доискався, скажю тебе, как назад поедеш из Царягорода». Да спросил про Ивана Михайлова: «Какой, господине, он человек у вашего государя на Москве, и что за ним какой приказ есть ли?».

И Иван сказал: «У нашего, господине, государя, царя и великого князя, Иван — человек приказной, печатник, да ему ж приказана государева казна ведати с казначеем с Никитою Фуниковым».

А как Ивана ис Кафы отпустил ко Царюгороду, и корм на путь дал и проводить послал до Царягорода человека своего лутчего.

В третью неделю Петрова поста как Иван приходил с Черного моря в устье Белого моря, и встретили его айдаровы люди, азовского санчака, которых он посылал с вестью к Турскому, а сказали: «Большой, господине, Маамет-паша сказал про тебя Селим-салтану, и он деи тому добре рад, кое государь ваш послал к нему, а Маамет деи паша тому необычно возрадовался и говорил деи: так, как деи яз стал

быти в пашах, и изо всех деи земель у нашего государя послы при мне бывали, одного деи московского не было, а ныне деи мне и то бог велел слышети и видети. Да и дворы, господине, тебе велел изготовити, а нас, господине, послал паша против тебя для того, кое тебя долго во Царьгород нет, и не стало ли ся деи над ним чего на море, а будет деи его в Кафе задержали, и он бы деи шел ранее в Царьгород. А велел, господине, тебя, встретя, поставити не доезжая Царягорода за пять верст под городом под Васкесенем, а нам, господине, паша велел наперед к себе с вестью быти, а будет тебе встреча и приставов к тебе пришлют». И как Иван, пришед, стал под городом под Васкесенем на корабле же, а турецкой Селим-салтан против того города бы в сараех, а прозвище сараем Кандиль, а приезжает в те сараи для потехи, и бакчи тут у него поделаны.

Да того же дни час ночи прислал к Ивану изо Царягорода Мамет Чилибей, царев купец, который был на Москве, племянника да толмача, а сказали: «Прислал, господине, к тебе нас Чилибей, а велел тебе сказати: быти у тебя в приставех салтанову Мамет чаушу да Чилибею, а к тебе они будут утре рано, а тебе их дожидати здесь».

И на завтрее того, на первом часу дни, приехали к Ивану приставы Мамет чауш да Чилибей, а молвили: «Велел, господине, тебе государь наш итти во Царьгород, и подворье тебе готово, а нам, господине, велел у тебя быти в приставех, да тебя ж, господине, велел салтан встретити у города на берегу, на скели у пристанища, своим приказным людем, а тебя они уже дожидаютца, а аргамаки с нарядом под тебя приготовлены на то — ехати на подворья».

И как Иван пришел ко Царюгороду и стал на карабле у пристанища, а на карабль к нему пришел Турского салтанов толмач большой Ибреим-бег, а на берегу дожидались и встретили конные нарядные янычанские аги и чауши и спаги, а с ними янычане пешии, проводили Ивана до подворья, а поставили на посольском дворе. А пришел Иван во Царьгород на третьей неделе в понедельник Петрова поста. А пошлинные турецкого салтановы люди никаких пошлин не прашивали.

Того же дни салтан прислал к Ивану корм на приезде да ковер да подстилку суконную. А поденной корм стали довати з другого дни.

Да после того спустя на третий день в среду, как Иван пришел во Царьгород, говорили ему приставы: «Велел,

господине, тебе Маамет-паша говорити, чтоб ся ты с ним видел у него на подворье, а не видясь тебе с пашею, у нашего государя нельзе быти». Да прислал Маамет-паша по Ивана большого толмача салтанова.

И Иван того дни к паше ездил, а как приехал к нему на подворье, и с лошади Иван ссел на лесницу, а Иванов сын и подьячей и кречетник и тотарин Девлет Хозя ссели с лошадей посередь двора, а в воротех и у лесницы и в сенех встретили Ивана многие люди, а янычане стояли в воротех на дворе по сторонам нарядны без ручниц, а как Иван к паше в сарай вшел, и паша против его встал и о здоровье спросил, как ехал путем, и Ивана посадил подле себя и спросил его: «С каким, господине, делом еси приехал от своего государя к нашему государю и грамоты с тобою и поминки есть ли? И покажи мне грамоты своего государя».

И Иван сказал: «Послал, господине, государь мой, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, к брату своему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте, а иново, господине, за мною наказу, опричь грамоты, нет, а грамоты, господине, со мною здесь нет, а велел, господине, государь мой тое грамоту подати самому салтану по тому же, как государя вашего посланники и купцы ко государю нашему приходят, и при государе нашем грамоты у них емлют, а поминки, господине, государь мой к Селим-салтану со мною прислал, и салтан бы, господине, велел мне быти у себя».

И паша сказал: «Быти де и тебе у нашего государя на сей же неделе в субботу».

Да спросил Ивана: «Да что, господине, написано в государя вашего грамоте и какое дело, и ты скажи мне то словом?».

И Иван сказал: «Яз, господине, у государя своего паробок молодой и того не ведаю, что в грамоте писано, а у грамоты, господине, печать государьская».

И паша спросил: «Да есть ли, господине, от вашего государя ко мне грамота или какое слово?».

И Иван сказал: «Грамоты, господине, и приказу от нашего государя к тебе нет».

А как Иван к себе поехал, и паша его с места его попроводил.

А на завтрее того, как Иван у паши был, говорили ему приставы: «Велел, господине, тебе Маамет-паша говорити, чтоб деи еси ехал на подворье к пашам же, к Пертаву да к

Ахмату да к Ахмаметю. А у нас деи то в обычае держит — приезжают деи ко государю нашему послы изо всяких земель и наперед деи будут у нас у паш».

И Иван того ж дни к пашам, к Пертав-паше с товарищи, ездил, а с ним Селим-салтанов толмач Ибреим-бег да приставы провожали, и паши против Ивана вставали и встречали, от мест своих отходя, и спрашивали Ивана, с каким делом пришел к их государю. И Иван сказал по тому же, как и Мамет-паше большому говорил по государеву наказу. А о том Ивана не спросили, что писано и какое дело в государеве, цареве и великого князя, грамоте, и грамоты посмотреть не просили же.

Да Пертав же паша говорил Ивану: «Государь деи ваш великой, и бог ему дал великой разум, да и люди деи еще у него добрые есть, кое деи послал к нашему государю. А то деи меж государей люди поссорили, кое посылал государь наш войну к Асторохани: дай господи, деи, были здоровы государи, и виноватого сыщут, а меж их добро будет, а наш деи государь того хочет, чтоб меж их с вашим государем было добро».

А об иных государевых делех ни о которых паши Ивана не спрашивали.

На той же неделе в субботу на другом часу дни приехал к Ивану толмач Ибреим-бег, а с ним янычанские головы, да спаги, да янычане, а сказал: «Велели, господине, тебе паши ехать на салтанов двор, и Селим-салтану тебе челом ударити, а у государя тебе сего дни не ести, потому что у нас едят мясную еству, а вы ныне говеете, а рыбы здесь мало».

И как Иван приехал к салтанову двору, и с лошади ему велели ссесть перед ворота близко, и встретили его у ворот многие люди пешие, а в воротех встретили приказные люди, а на правой стороне на дворе от ворот был яныченской большой воивода Сьяуш-ага, а с ним аги янычанские, и янычане стояли нарядны без ручниц до Селим-салтановой полаты, а на левой стороне от ворот по тому же были воеводы и дворяне, спаги, а сидели все по местом и против Ивана вставали, а посередь двора встретили четыре копычеи, которые живут блиско Турского, а с ними спаги. А как Иван пришел в полату, в которой паши сидят и приказные люди, и против Ивана паши и приказные люди все встали, и о здоровье паши спрашивали, как путем ехал, и велели принести место и посадили Ивана против большого Маамет-паши.

И Маамет-паша спросил Ивана: «С каким деи еси делом пришел от своего государя к нашему государю салтану?».

И Иван сказал: «Прислал, господине, государь мой, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси, к брату своему, к Селим-салтану, грамоту, и то дело писано в грамоте».

И паша спросил: «Опричь грамоты приказ с тобою иной какой и поминки есть ли, и какие поминки?».

И Иван сказал, что с ним опричь грамоты приказу никоторого нет; все писано в грамоте, а поминки, господине, от государя нашего к Селим-салтану сорок соболей, да зуб рыбей, да кречат.

И паша спросил: «Как, господине, придешь к нашему государю, и что тебе государь ваш велел ему изговорити?».

И Иван сказал: «Как, господине, велит мне у себя быти Селим-салтан, и яз ему от своего государя поклон исправлю и грамоту подам и поминки явлю».

И паша сказал: «То, господине, добре добро, что государь ваш к нашему государю прислал».

Маамет же спросил Ивана: «Сколь еси давно пошел от своего государя с Москвы?».

И Иван сказал: «Как, господине, государь мой меня отпустил к брату своему, к Селим-салтану, и тому уже осмой месяц».

«Да коею еси, господине, дорогою с Москвы шел?».

Иван сказал: «Велел, господине, государь мой итти мне зимою на конех на свою отчину — на Рылеск, а из Рыльска в Азов, и шли есмя от Рыльска полем до Донца до Северского, а Донцом шли до Азова в судех».

И паши спросили: «На Асторохань еси господине зачем не шел? А от Асторохани деи было до Азова немного и поспели б в 17 день».

И Иван сказал: «Которою, господине, дорогою велел мне государь ити, и яз шел тою дорогою».

Да Маамет же паша говорил Ивану: «Ходят деи в Асторохань и к Москве бухарцы и шамохейцы с торгом, и тех деи бухарцов и шамохейцов из Асторохани государя вашего воеводы и приказные люди не пропускают молиться к осподню гробу по нашей вере и волю у них отнимают, и то деи добро ли ваши так чинят? А к нашему деи государю бухарцы и шамохейцы о том приходили бити челом, кое их из Асторохани к осподню гробу не пропускают».

И Иван сказал: «Не видя, господине, мне салтановых очей, с вами некоторых дел государьских говорити не пригоже, а как, господине, яз салтановы очи увижу, и вы со мною тогда о которых делех говорите».

И паша сказал: «О которых, господине, делех приказал нам с тобою государь наш говорити, и ты с нами ныне говори — так у нас ведетца исстари, а что нам скажешь, и мы то уже скажем государю, а ныне, господине, тебя спрашиваем того для — как будешь у нашего государя, и он тебя отпустит на подворье, а у нас тебе уже ныне в полате не быти».

И Иван сказал: «Которые, господине, иноземцы гости приходят к Москве и в ыные государя нашего города, и кторою они дорогою куды попросятца, и государь наш тех иноземцев жалует и велит их отпустить безо всяких зацепок, а от веры не велит никого отводить и не неволити ни в чем: восе у государя нашего в его государстве Саинбулат-царь, Кайбула-царевич, Ибак-царевич и многие мирзы нагайские, и за Саин-булатом-царем город Касимов и к нему многие города, а за Кайбулою-царевичем город Юрьев, а за Ибаком-царевичем место великое Суражек, а за нагайскими мирзами город Романов, и в тех городех мусульманские веры люди по своему обычаю и мизгити и кишени держат, и государь их ничем от их веры не нудит и мольбищ их не рушит — всякой иноземец в своей вере живет. Нечто будет хто меж государей ссари-вает?».

И Маамет-паша сказал: «Тот, господине, слух и у нас давно есть, кое государь ваш иноземцев жалует, а государь ваш великой, и он делает все доброе, как ему бог велел, да только б, господине, велел вперед бухарцов и шамохейцов пропускати из Асторохани к осподню гробу молитись по нашей вере, да и письмо, господине, о том нашего государя к вашему государю будет, а государь наш того хочет, чтоб с вашим государем меж их ссылка и добро было, и гости б ходили, как было наперед сего, а у нашего государя всякому же иноземцу не запрещено во Царьгород ходити, а мы деи того хотим, чтоб меж государей добро было».

И Иван сказал: «Что, господине, со мною салтан ко государю, царю и великому князю, прикажет, и яз до своего государя донесу, а похотите, господине, государева жалованья и станете меж государя нашего с Селим-салтаном дружбу делати, и яз вашу службу до своего государя до-

несу, и в том ведает бог да государь, как к вам учнет жалованье свое держати».

Да после того велел паша Ивану, вышед ис полаты, и посидети перед полатою в сенех, доколе Селим-салтан выдет в выходную полату, и, как вышед, в сенех сел, и против его стали давати турским людям алафу турецкого в хамянных мехех по чetyреста и по триста рублей османок и меньши; давали деи им для того, чтоб то Иван видел, кое у них розсход великой, а срок деи тем людям давно алафе минул.

А как Селим-салтан вышел в выходную полату, и наперед у него был янычанской большой воевода Сьяуш-ага, а после его были турецкие митрополиты, ходили з доклады, а после митрополитов к Турскому пошли паши, а Ивану велели ити за собою, и перед полатою в сенных дверех встретили Ивана салтановы стольники и спаги ближние многие, а как Иван пришел к салтану и челом ударил, и взяли его под руки два капычеи и водили к салтану к руке, а после Ивана сына его, да татарина Девлет-Козю по тому же к салтану водили. А после того от государя, царя и великого князя, Иван салтану поклон исправил и грамоту подал и поминки явил по государеву наказу, а поклон правил стоя, а не на коленях, и салтан против того не промолвил ни одного слова и не спросил ни о чем. А грамоту у Ивана принял большой его дьяк, а вшел в те поры в полату, как Иван учал салтану грамоту подавати. А салтан сидел на рундуке на крае, а под ним был тюшак золотной, а по сторонам одале его подле стену большие взголовья покладены, а на салтане была чюга камчата золотная на лазоревой земле, да на голове чолма. А поминков государевых при Иване к салтану не носили, а взяли их на дворе салтановы люди, которым приказано. А покаместа Иван у салтана был, и опричь паш да толмача иных людей у него не было, а паши стояли против салтана на левой стороне, а не сидели, а как салтан Ивана отпустил на подворье, а паши остались у него. А проводили Ивана за ворота копычаи да толмач, да чауши, а как Иван на аргамак сел, и приставы велели ему постояти, да наперед з двора пошли янычане, а за ними поехали воеводы и спаги многие, а после их велели ехать Ивану: то деи тебе почесть, так деи у нас ведетца из стари. Да как приехав Совею, стали разъезжатись нарознь, а до подворья Ивана проводили аги и спаги на конех, а с ними янычане шли пеши. А ести салтан Ивана не звал и в стола место корму не прислал же.

А коли деи у Турского бывают из ьных земель послы, и тогда деи салтан сидит на своем царьском месте, а подле его стоят с саадаком да з саблюю, да з будями, а ныне деи он на царском месте не сидел и з саадаком и з саблюю и з будями у него не стояли для того, что деи почтил тем государя, царя и великого князя, а себя не взвысил.

А на завтрее того, как Иван у салтана был, приезжал к нему от салтана толмач Ибреим-бег со государевою, царевою и великого князя, грамотою, которую к нему государь прислал, а сказал тот толмач: тое, господине, государя вашего грамоту перевели на турской язык, да не все, потому написано, господине, имя в вышнем кругу золотом иным письмом, и того, господине, письма у нашего государя прочести некому. И за тем, господине, письмом тое грамоты перед салтаном ещо не читали, кое не вся переведена, и ты б, господине, велел то письмо вычести подьячому, которой с тобою послан, и велел бы еси ему сказать, что написано, и яз то напишу по-турски. И Иван велел подьячому Поснику Износкову в государеве грамоте вычести в вышнем кругу, и как вычел, и толмач то письмо написал по-турски, а поехал с тою грамотою на подворье к Маамет-паше к большому. А как государеву цареви и великого князя грамоту перед салтаном прочли, и Селим деи салтан стал был добре весел, а Маамет деи паша, приехав от салтана к себе на подворье, говорил с турками: «Государь деи московской великой, а что деи прислал к нашему государю грамоту, и написано деи в ней великим смыслом, а есть деи ещо и у нас люди, да не так грамоту сложат».

Да Иван же проводывал, что салтаново умышление о Астороханском походе, по чему челобитью к Асторохани рать свою посылал, и были турецкие люди у Асторохани, и не было ли им каково убытка людем, и вперед что умышление над Астороханью, и которых земель люди к салтану о том прихаживали бити челом, и крымского царя салтан как держит, нет ли на него какова салтанова гневу, и будет на него каков гнев, и для которого дела, и которые царевичи у салтана служат, и хто имянем и чьи дети, и в какове чти их держит, и хто у салтана больших паш, на которых большее земское дело лежит, и которой паша близок у салтана в его жалованье, или хто у салтана ныне люди в приближение, и как ныне салтан с цысарем и с Кизылбашским и с Литовским и с Угорским.

И деялось деи при прежнем турском Сулейман-салтане,

и сталоь тем обычаем, и будтось хотел Баязы-салтан отца своего Сулеймана убити, а сам хотел на царстве сести. И Сулейман деи салтан уведал, кое сын его хочет убити, да велел деи был Баязыта поимати, и Баязыт деи был умыслил бежати на Русь ко государю, царю и великому князю, да и побежал на Крым. И Турской деи посылал о том х Крымскому, чтоб он сына его Баязыта, поймав, прислал к нему, а на Русь бы деи его не пропустил, и Баязыт деи царевич то услышел, что отец его о том послал з заповедью х Крымскому, да на Русь не поехал, а поворотил не доезжая Крыму мимо Кафы, да на черкасы, а изс черкас прибежал в Кизылбаши к шаху. И Турской деи на Крымского про то гнев держал и велел был его извести за то: был деи Баазыт блиско Крыму, а он деи ему поноровил и пропустил его в Кизылбаши. И за Крымского деи Турскому били челом и печаловались большой его Алы-паша да Маамет-паша, и прислал деи им Крымской от того великие поминки, и Турской деи по их челобитью с Крымского гнев сложил. А в Кизылбаши деи Турской послал посла своего с поминки, а послал к нему шестьдесят юков золотых, а приказал деи к шаху, чтоб он прислал к нему сына его Баязыта, и шах деи у турецкого посла поминки поимал, а Баязыта к нему не прислал, а приказал деи шах к Турскому: яз деи Баазыту слово свое прямое дал, кое мне его никому не выдати, и мне деи его нельзя послать к Турскому. И Турской деи о том посылал вдругорядь к шаху с поминки же, а послал к нему дватцать юков золотых, а приказал к шаху, чтоб деи однолично сына его Баязыта прислал к нему во Царьгород: «А будет деи ко мне его не пришлет, и яз за то на него пойду сам с великою ратью». И Сулейманов же другой сын Селим-салтан, которой ныне на Царьгороде, стал себе мыслити: «Послал деи отец мой в Кизылбаши по брата моего по Баязыта, и как деи его приведут, и отец деи его посадит на царство, а меня деи велит убити». Да послал Селим от себя в Кизылбаши к шаху гонца на подводах наперед отцова посла, а приказал к шаху, чтоб он брата его Баязыта прислал задушив мертва, а жива б его к отцу не присылал: а как деи яз сяду на царство на отца своего юрте, я из деи шаху за то все его города ему отдам назад, которые у него отец мой поимал». И как деи Турского посол пришел х Кизылбашскому и поминки отдал, и шах Баязыта велел отдати Турскому послу задушив мертва, и Турской деи Сулейман о том стал быти в великой кручине на шаха, кое к нему он Баязыта

прислал мертва, и сведал, что его задушили по присылке сына же его Селимове, и Селим про то у отца был в опале, а гонца, которого Селим посылал к шаху, велел казнити, а с Кизылбашским Турской за то был в недружбе и воевался с ним, покаместа жив был.

Да Турскому ж Сулейман-салтану говорил Касим-бег кофинской, а тогда он был у салтана в больших диякех: «Взял деи московской государь Азсторохань, а изстари деи Азсторохань была вашие бусурманские веры, а се деи приходят в Азсторохань изо многих земель гости торговати воденым путем многие, и казна деи с Асторохани московскому государю сходит добре великая, и ты б деи Асторохань за себя взял — и станешь за свою веру и казна тебе с нее будет великая же». И турской деи салтан Касиму отказал тем обычаем: «Дед деи и отец мой и яз Московским и по ся места не воевались, а преж деи сего меж нас послы и гости и ныне ходят, а московской деи государь силен ратью своею, и мне деи с ним не за что воеватца, а у меня деи он не взял ни одного города, а Азсторохань деи не наша Турская земля, то деи Московскому бог дал». А Сулейман деи салтана не стало под Петцким городом, как он ходил с своею ратью, а сказывают — его ушибло от пушки, а после деи себя приказал сыну своему Селим-салтану, чтоб ся он с Кизылбашским воевал и Кизылбаша б взял за себя. А как деи Селим-салтан после отца своего сел на царство, и присылал деи к нему крымской царь, а приказал, что деи «от Царягорода в Кизылбаше тебе и твоей войне ходити добре далеко и путь не ближней, и в том деи будет твоей рати изрон великой в конех, а отцу деи твоему был шах недруг, и тебе деи послати свою войну в Кизылбаше на Азсторохань, а от Асторохани деи х Кизылбаше добре ближе, а се водяным путем. Да в Азсторохань же деи приходят из Кизылбаше гости, а оприч деи Асторохани проходу из Кизылбаше никуды торговым людям не будет, и тебе бы деи Азсторохань за себя взяти, и Кизылбаш деи будет за тобою наборзе, и ты б деи послал со мною войну свою к Азсторохани, а яз деи с собою возьму своей рати тысяч со сто и шед деи тебе возьму Асторохань одного часу, да и Казань деи твоя же будет, а не возьму деи яз Асторохани, и ты деи меня тогда не жалуй». А Касим деи кафинской писал к Турскому же и присылал с Крымским вместе, и ялись взяти Азсторохань и писал о всем потому же, как и прежнему Сулейман-салтану о Асторохани говорил. И умышлял деи Крымской о астороханском походе

заодин же. И Турской деи посылал к Литовскому послов своих для того, чтоб Литовской пошел на московского государя: «И яз деи сам с Крымским на него идем же и шед деи у него города поемлем». И Литовской деи к нему приказал: «Пойти деи нам заговором на Московского непригоже, а хоти деи шед у него и Москву возьмем, и нам деи какая в том похвала и честь будет, что мы на него пойдем заговором? А будет деи не возьмем у него городов, и нам деи в том будет великой сором и безчестье, а Московской деи государь сильной и стоит за себя крепко». И Турской деи по прежней присылке крымского царя и по Касимове велел послати к Асторохани с Крымским царем войну свою турских людей изо Царягорода и из Онодольские земли, да добринских, да белгородских татар, да енычан, и всего велел послати своей войны турок восемьдесят тысяч, а наряд деи, пушки, и подкопы и людцкой запас везли изо Царягорода и из ыных городов, которые пришли блиско моря, да ис Кафы, а провадили наряд и всякие запасы в Азов морем, а конные деи люди шли на Кафу, а из Кафы к Азову сухим путем, а у турских деи людей был в головах Касим-бег кафинской да санчаки из Онодольские земли, а о енычанех де к Турскому писал Крымской именно, чтоб их послал к Азсторохани, а без них деи приступа к городу делать нельзе. А как деи турецкие люди пошли изо Царягорода, и тем деи людям иным грамоты жаловальные Турского подовали, где кому на котором приказе быти как было, взяв Азсторохань. И у многих деи людей во Царьгороде турки на отъезде имали и задатки наперед деньги за полон, которых было им привести из Асторохани во Царьгород. И как деи Крымской пошел к Азсторохани и побил на Донце на Северском казачья атамана, Иваном зовут Мотякин, а с ним было козаков человек с сорок, и прислал деи к Турскому гонца, что он на Донце взял казачий город, атаманов и казаков убил, сказал, с пять тысяч, и Турской деи тому стал быти весел. А как деи к Турскому пришла весть из-под Асторохани, что деи Крымской и Касим у Азсторохани с воинскими людьми были, а промышляли, что было им Асторохань взяти подкопом, и подкопу деи было зделати нельзе потому, что вода заняла, и им деи было послати старого городища к городу приступати людей, а из Азсторохани деи з города учили по их шатром бити из пушек, и стали деи пушки ходити далеко, и турецкие деи меж себя с крымским стали говорити, кое им к Асторохани нельзе приступати, и людям их чинитца изрон, и

корму у них людцкого не стало, да и пошли деи все прочь от Асторохани. А стояли под нею на старом городище день з десять, а шли деи от Азсторохани нарознь, идучи с голоду и с нужи многие люди мерли, и тех деи турских людей не пришло назад из Асторохани ни четвертого жеребья, да и санчаки деи не все ж назад пришли — иные померли, а енычан деи только пришло из под Асторохани во Царьгород трех тысяч только человек с семьсот, а те деи все были больны. А смотрели деи тех янычан и перекликивали по имяном по книгам во Царегороде, по которым давано им жалованье. А которые деи турецкие люди и енычане пришли из-под Азсторохани во Царьгород, и те деи люди били челом Турскому, что им в том азстороханском походе стал великой убыток и людем изрон: «И казне деи твоей стал великой убыток, а будет деи станешь к Асторохани вперед нас посылати, и ты деи вели здесе казнити смертью, чем деи нам там напрасно померети же, а Асторохань деи от Царягорода не блиско и приступати к ней долго, хотя деи сам пойдешь; и той деи у тебя твою государеву казну и воинских людей потеряли напрасно Крымской да Касим-бег кафинской, да крымской же деи царь пошел был наперед нас от Асторохани с своею ратью, а нас деи был покинул. И мы деи учили Крымскому говорить, чтоб деи он нас не метал, а в том бы от тебя в слове не был, и Крымской деи велел нас подвозити, а только б деи Крымской наперед пошел, и нам деи было всем на дороге перепропасти, а к Озову бы не дойти; да и то деи стало быти твоим государевым счастьем, что деи к нам встречю московские люди не пришли, а только б деи на нас пришли московские люди, и нас бы деи и достольных побили, а московского деи государя сказывают людьми сильна и тебе деи государю воеватись с ними не за что». И турской деи салтан стал о том на Крымского и на Касима быти добре кручиновать и ополелся, а говорил: «Потеряли деи у меня казну и людей и ввели деи меня в великий сором, кое не взяли Азсторохани; да приказал деи пашам, а велел, собрав чаушей, послати извести крымского царя да Касима. И крымской деи царь сведал, что его Турской посылает извести, да прислал о том к сыну своему, которой ныне живет в ымени у Турского, а велел деи бити челом Селим-салтанове родной сестре вдове Нафит-царевне, что была за Брастан-пашею, да Маамет-паше большому, чтоб им Турской опалу отдал и не велел их убити, и царевна деи и паша о Крымском и о Касиме били челом Селим-салтану, чтоб их пожаловал, не

велел извести, а что деи они Азсторохани не взяли, тому деи так бог велел быти. И Турской деи для сестры своей и Маамет-пашина челобитья Крымского и Касима не велел извести, а то деи им Турской сказал: «Вперед деи им от меня быти же изведенным». Да Селим же деи салтан говорил сестре да паше: «Крымской деи зоветца царем больши меня, а посаженник деи он на Крыму отца моего, да он же деи ссылаетца с Московским, и послы и гонцы меж их ходят, а меня деи они забыли, и то деи Крымской чинит добро ли?». Так да и по ся мест деи Турской на Крымского гнев держал. А крымской деи царь и Касим-бег оттого Маамет-паше прислали великие поминки, что их у Турского отпечаловал, а ныне деи Касим в Царьгород ехати ис Кафы боитца убийства от турских людей, которые были у Азсторохани, а стал им в Касиме изрон. А опричь деи Крымского и касимовы присылки к Турскому о астороханском походе бити челом не прихаживал никаков человек.

Да Ивану же сказывал Касимов человек, который его провожал, про азстороханской ж поход: „Присылал деи х Касиму из Нагаи Урус-мурза да азстороханцы и велели ему итти к Азсторохани — «и Азсторохани деи возмем до приходу, а за кем деи будет Азсторохань, и мы того ж будем». И как деи Касим пошел к Асторохани и на дороге деи изгибли турок пять человек, три Турского, а два человека Касимовых, а поймали деи были тех людей Тинехматовы тотарове и держали их под Астороханью для языков у азстороханцов, дружачи государю московскому. И Касим деи писал к Урус-мурзе, чтоб тех турок добыв, прислал к нему; и Урус деи у астороханцов тех турок выбаял да прислал их к Касиму. А доколе деи турецкие люди стояли у Азсторохани, и до тех мест нагаи азстороханцы присылали с кормы; а только б деи к туркам они корму не присылали, и многим было с голоду у Азсторохани померети и не отойти прочь. А стояли деи Крымской и турецкие люди под Астороханью на старом городище и промышляли, что было им Асторохань взяти подкопом, а посылали деи к городу крымского Мустофу с товарищи досматривати, где быти подкопу и иным приступом — «и подкопом деи взяти ее нельзе, что деи вода блиско и стоять деи у ней долго и людей потерять». И меж деи Крымского с Касимом стала прека быти, да пошли деи прочь от Асторохани. Да астороханские ж деи тотарове говорили Касиму: «Служили, деи, мы государю московскому, а ныне деи мы люди Турско-

го»". А которой Касимов человек про то сказывал, и тот у Азсторохани с Касимом был же. Да Касим же писал к Мамет-паше, как Иван был в Царегороде, да и чертеж астороханский прислал, а написал деи в грамоте, чтоб деи Селим-салтан у московского государя просил Азсторохани и за то б деи постоял. И паша деи, прочедчи грамоту, кинул и избранил на него, а молвил: «И так деи Касим ходили в опале, чего деи ему доглупати и меж государей ссаривает? Али деи ему не жаль своей головы? Ведь деи на нем не две головы!». А азстороханской чертеж приносил к Ивану на подворье и казал Маамет Чилибей, служащи государю царю и великому князю, да и вперед добре государю хочет служить. А к Азсторохани от Турского вперед войны не чают.

Да про азстороханской же поход во фрянские города весть пришла, что Азсторохани не взяли, а людем учинился великой изрон, и фрянки деи о том возрадовались и меж себя учили говорить: «Государь деи московской великой, и кому деи против его стояти, а от неверных его деи бог обороняет».

С Цысарским з дальним Турской в дружбе.

А Кизылбашской деи летось у Турского в трех городех людей побил, да и пашю убил в то же время, как турецкие люди ходили к Асторохани, а что Азсторохани не взяли и людей истеряли, и то деи шаху стало за честь же, и меж их с Турским война.

С Литовским Турской в дружбе: был во Царьгороде при Иване литовской посланник, а приезжал деи с поминки. Да Литовской деи король присылал к прежнему к турецкому к Сулейман-салтану, как у него царь и великий князь взял Полоцк, а просил у Турского воинских людей, а приказал деи Литовской: «Московской деи у меня много городов поимал, а ныне деи велел поставити на моей же земле, и вперед деи от него пребыти нельзе, и ты б деи прислал ко мне воинских людей, и яз деи на Московского сам пойду против его, а не пришлешь деи ко мне своей войны, и яз деи передамся к Московскому, и ты деи с меня вперед поминков не проси». И Сулейман деи ему отказал: «У меня деи тебе войны на Московского ныне нет, потому яз деи сам иду на своего недруга, на Фрянского короля, а мне деи война себе надобе. Да и потому деи мне к нему войны послати не мочно, что деи путь не ближней и проходит далек, и итти будет им через чюжую землю, и король деи у меня людей истеряет, а московского де государя ратью сказывают сильна, а поминки деи ко мне присылай таки по-старому».

А коли деи у Селеймана родился Селим-салтан, и тогда деи царица просила у Селеймана, чтоб он с Литвою не воевался, потому что царица, Селимова мати, родом литовка, и Сулейман деи с Литовским был в дружбе же и по свой живот, а Селим деи салтану приказал и с Литовским воеватись не велел же.

С Угорским Турской в дружбе.

А с мозярским королем и с арапы Турской не в дружбе — меж их ныне война.

Другово цысаря, что питцкой король, был при Иване у турецкого посол, а пришел до Иванова приходу с поминки, а с Турским сказывают в дружбе, а и еще изо Царьгорода назад не отпущен.

А со Фрянским с паном королем Турской не в дружбе, потому что Фрянского короля город Киборз стоит на Белом море меж турецких городов, а турецким людем от киборзян живет шкота и изрон великой — ходят деи корабли изо Царьгорода в Мисюрскую землю и из Мисюря во Царьгород, и киборзяня деи турок громят добре часто и убытки им чинят великие, а опричь деи Киборза в Мисюрскую землю иным путем ходити некуды, да киборзяне же деи громили трожды Турского казну мисюрскую, а с Мисюрские деи земли сходит в год турецкому по 1600 юков золотых. И Турской деи посылал ко Фрянскому, чтоб ему дал город Киборз — «А не даст деи мне Киборза, и яз деи на него сам пойду, и города у него поемлю». И Фрянской ему отказал и города не отдал. Да ко Фрянскому же приказал питцкой король: «Пойдет деи на тебя Турской своею войною, и ты деи стой против его крепко, а мы деи тебе пришлем на помочь своих людей». И Турской сего лета послал под Киборз трех паш, а с ними людей воинских пятьдесят две тысени, а сам деи Селим-салтан под Киборз не пошел за тем — дожидался вестей из Азова, а начаялись приходу к Азову и х Кафе московского государя воинских людей, а турецкие деи люди меж себя говорили: однолично деи московские люди пришед Азов и Кафу возьмут. Присылали к Селим-салтану из-под Киборза турецкие люди чауша о том, что под Киборзом турок побили большую половину и Киборза еще не взяли, и Турской бы деи прислал к ним под Киборз в прибавку людей на помочь, а только деи не пришлет, ино и достальным от города не отойти прочь. И Селим деи салтан стал быти в великой кручине, а говорил пашам: уж деи других людей побили, а не доспели пути ничего; да велел послати под Киборз

из Царягорода и достальных людей, которым было людем итти с самим с Селимом под Киборз.

А посол Фрянского во Царегороде засажен.

Турской ж послал сего лета к городу к Еминю, что стоит в Арапской земле, для береженья восемьдесят тысяч четыре тысячи людей, а воевода у них был санчак из Урюмской земли, и тех деи турских людей всех побили арапы наголову.

Да сего ж лета фрянки у Турского взяли три города: Малту да Венедих да Белгород, а те деи города были изстари фрянские же, а взяли их турки при прежнем салтане.

У Селим-салтана большой сын Мурат-салтан 18 лет, а сидит на уделе на двух городех в Урюмской земле город Амая, а другой Утегя. У салтана он не бывал от тех мест, как Селим на царство сел. Другой сын Баазыт, а родился сего году. Селимова же дочь за Маамет-пашою.

У Селим же салтана крымского царя сын Ган-султан, а живет в городе в Янбоге, а к салтану не приезжает, а ест салтанову олафу, по пятидесят османок на день, а людем его олафу дают, которые у него живут, а жалованья ему идет на год от Турского по сороку тысяч османок, а руская четыреста рублей; да Ган-султану же дают платье по трожды на год, а то деи у турских салтанов ведетца изстари, что крымского царя по одному царевичю у них жити, а говорят про того царевича, будто ему быти на отцово место на Крыму, как его не станет, или его изведут, а сказывают того царевича дородна.

У Турского ж салтана астороханской Дервиш Алеев сын Магмет-царевич, а живет в Урюмском городке за сторожи, а из города его вон не выпускают, а есть Турского олафу, а к себе ему Турской ездити не велит.

Турского паши, на которых большое земское дело лежит: большой Маамет-паша, а за ним салтанова дочь, другой Пертав-паша, третей Зал-паша, четвертой Пиала-паша, пятой Агмат-паша, шестой Магмут-паша, семой Мустофа-паша. А которое дело похочет зделати большой Маамет-паша, и то деи зделает, а Турской его жалует и слушает его во всем и з большими делы з земскими опричь пашей к салтану не ходит ништо. Казначей большой Сан-Чилибей, другой Дервиш-Чилибей, третей Магмет-Чилибей, печатник Магмет-Чилибей. Стольник капы-ага Сысьяуш-ага. Еничанской большой воевода надо всеми агами Сьяуш-ага. Дефтердары, а по-русски дьяки: большой Мугабег, другой Мукат-ази, третей Уазнамизи. А в патри-

ярше у салтана место муфти-кадлешкир, а митрополиты и владыки: Маалим-зада кадлишкер молла Чилибей. Турского же большой толмач Ибреим-бег.

Да Ивану же говорит чауш, которой у него в приставах: «Велел, господине, тебя спросити Маамет-паша, чего для деи государь ваш на Терке город поставил?»

И Иван ему отказал: «Как мне лучитца быти на салтанове дворе, и яз про то пашам скажу».

А паша приказал, чтоб деи «Иван виделся со мною у меня на подворье, а поговорим деи с ним о дороге, которою ему итти назад к своему государю».

И как Иван к паше приехал, и паша его спросил: «Которою, господине, дорогою тебе итти назад к своему государю? И государь наш велит тебя отпустить, а чтоб тебе итти не на Азов же».

И Иван ему молвил, чтоб его салтан велел отпустить на Азов, а проводити бы велел до государевы царевы и великого князя украины.

И паша сказал: «Как тебя салтан отпустит — и проводити велит».

Да паша ж спросил Ивана: «Чего для деи государь ваш велел на государя нашего земле на Терке город поставити?».

И Иван сказал: «О которых, господине, делех вам со мною говорити о салтановых, и вы мне говорите на салтанове дворе, а здесе нам о государевых делех говорити непригоже».

И Маамет-паша сказал: «Велел, господине, мне тебя про то спросити государь мой Селим-салтан, а то у нас ведетца изстари: о которых делех лучитца, и мы на подворьях послов выпрашиваем, а то дело нам не лежит, и ты, господине, скажи про то ныне».

И Иван сказал: «Государь наш царь и великий князь Темрюка князя Айдаровича Черкасского пожаловал, взял у него за себя дочь его государыню нашу, царицу и великую княгиню, и Темрюк-князь прислал бити челом государю нашему, которые черкасы ему были послушны, и те учили ему многие убытки делати, и крым-шевкальцы и кумуки учили его обидети, и государь бы пожаловал, на его земле велел для недругов город поставити для Темрюкова челобитья, чтоб ему от своих недругов жити безстрашно, а та земля изстари были от Кабарды от Темрюкова юрта по Терке по реке и до моря его Темрюкова, и зверь бил и рыбу ловил».

И паша сказал: «То все земля черкасы и кумуки и крымшевкалы государя нашего и вера наша же, а государь деи наш того для посылал летось людей своих и того места досматривати, где стал город на Терке».

И Иван сказал: «От Кабарды до Бесленей верст с пятьсот, и та земля далеко отошла от тех черкас, которые вашему государю приклонились и служат, а не владел тою землею, где город Терка стал, опричь Темгрюка ништо. Да наперед того Темгрюк же князь присылал к нашему государю бити челом сына своего Байгарука-князя, чтоб государь его, Темгрюка-князя, держал в своем имени и войну ему свою дал на крым-шевкальцов, и государь наш Темгрюка князя пожаловал, войну свою к нему послал, и на крым-шевкалы Темгрюк-князь с нашего государя воинскими людьми ходил и крым-шевкалы воевал».

Июля в 15 день перед Ильиным днем в субботу приезжал с салтанова двора пристав чауш, и говорил Ивану: «Велели, господине, тебе паши сказати, что тебе завтра государю нашему челом ударити и отпуск к тебе отсюды к Москве, да со мною же, господине, прислали к тебе государское жалованье, платье, кафтаны, да османки». Да положил на Ивана два кафтана — один бархатен, а другой отласен, оба з золотом, да ему дал десять тысяч османок, а московская сто рублей, а на Иванова сына, да на подьячего, да на кречатника, да на толмача положил по кафтану по бархатну з золотом на человека, да им же по тысяче османок человеку, и того до десяти рублей. Да чауш же сказал, что деи, те кафтаны положив на себя, к салтану в них ехати.

А на завтрее того в неделю был Иван на дворе у салтана, а встретили его на дворе и проводили в полату, и паши против Ивана вставали по тому ж, как и на приезде.

А как Иван сел, и Маамет-паша спросил: «Как, господине, государь ваш с Кизылбашским? И послы и гости меж их ходят ли?».

И Иван сказал: «Ко государю, господине, к нашему Кизылбашской послов своих присылает, и гости его ходят, да и из ьных, господине, орд ко государю послов присылают».

И паша сказал: «Государю деи нашему Кизылбашской великой недруг, а посылал деи государь наш летось своих людей мимо Асторохань проведывати дороги, куды итти на Кизылбашского». А про крымского царя паша в те поры не именовал ничего.

А после того погода паша же спросил Ивана: «Как, господине, государь ваш с Крымским живет?».

И Иван сказал: «Послы, господине, и гонцы меж государей ходят, а неправды, господине, Крымского перед нашим государем добре много, и ни в котором своем слове в правде не стоит, а зоветца в своей в бусурманской вере всех царей больши».

И паша сказал: «Крымской деи присылает к нашему государю на вашего з жалобою: как деи преж сего посылавал к нему поминки, а ныне деи государь ваш к нему посылает поминки не так, как преж сего, да его ж деи послов у себя держит долго и к нему их не отпустит. А царем деи Крымской зоветца велик потому, что деи его наш государь турецкой бережет. Да и к нам, господине, государь ваш присылает поминки не так, как наперед сего».

И Иван ему про поминки молвил: «В том волен бог да государь наш, а Крымской, господине, государя нашего у себя послов и не одних держит же».

И паша спросил: «Да сколь, господине, давно крымские послы на Москве и вашего государя в Крыме живут?».

И Иван сказал: «Того, господине, яз не упомяну, от коих мест на Москве живут крымские послы, а нашего государя послов в Крыме держат тому же осьмой год».

И паша сказал: «Послы — люди невольные: куды их в которые государства посылают, с каким делом нибуди, и они ходят, и в том ведаютца меж себя государи сами, что будет меж их какое дело, и послов велел отпустить, а с Крымским деи меж их будет мир уже же деи и помирятца. Да чтоб деи государь крым-шевкальцов и кумуков вперед не велел воевати, и бухарцов и шамахейцов велел пропускати к господню гробу».

И Иван сказал: «Что, господине, со мною прикажет к нашему государю Селим-салтан, и яз то до своего государя донесу».

Да после того погода немного паши пошли к салтану, а Ивану велели итти за собою и салтану челом ударить, и к руке к салтану Ивана и сына его подьячего и кречатника и толмача водили капычей по тому же, как и на приезде. А сказали паши Ивану при салтане, что с ним ко государю от салтана письмо будет, а как Ивана отпустил салтан от себя, и ко государю, царю и великому князю, словом не приказал ничего. И проводили Ивана до подворья

янычанские аги и спаги и енычане по тому же, как и на приезде. А у салтана Иван того дни не ел же, и в стола место ему корму не прислал. А сказали ему про то приставы: «Нелучилося деи тебе у государя ести для того, что деи государя нашего многие дела заняли, да и корму деи тебе с нынешнего дни вперед не будет, а в обычае де у государя нашего держит: как которых послов отпустит назад, и по тот день и корм дают».

И Иван им сказал: «Которых земель послы и посланники у государя, царя и великого князя, бывают, и тем послом кормы дают, доколе они на Москве пробудут, да и в дороге им кормы дают же и до государевы украины».

И Чилибей сказал: «То, господине, и яз ведаю — так у вашего государя ведетца, и мы, господине, про то ехав, скажем Маамет-паше».

А приехав от паши, сказали Ивану: «Паша, господине, о корму докладывал государя, и салтан, господине, пожаловал, велел тебе корм давати, доколе и во Царегороде побудешь, а приказал деи к тебе паша: велел тебе государь давати корм для того, что меж государей доброе дело сставаецца у тебя деи государь учинил всех больши послов, а иных деи земель послом после отпуску некоторым корму не даывал».

Да того же дни государевым служилым татаром, Девлет-Козиным товарищем четверем человеком, дали из Турского казны по кафтану человеку камочки обышные.

А после того на четвертой день, как салтан Ивана отпустил, говорили ему приставы: «Велел деи, господине, тебе Маамет-паша сего дни с собою видетися у него на подворье», и Иван у него того дни был.

И паша говорил Ивану: «Велел деи, господине, тебе государь мой салтан говорити: московской деи государь со мною подружился и назвал меня себе братом, и меж деи государей будет доброе дело, и которые деи черкасы мне служат, и московской бы деи государь их воевати вперед не велел, и бухарцов бы и шамохейцов велел из Асторохани пропускати к господню гробу. Да и письмо деи о том от салтана ко государю будет, а как деи грамота поснеет, и яз де и к тебе пришлю ее с чаушем». Да паша же сказал: «Яз деи, господине, ныне меж государей делаю доброе дело, чтоб меж их было любовь и братство, и государя нашего будут послы к Москве».

И Иван сказал: «Что, господине, со мною салтан к государю царю и великому князю прикажет, и яз то до

своего государя донесу, а похощь, господине, государева царева и великого князя жалованья и государю послужити и меж государя с салтаном дружбу делати, и яз то донесу до своего государя, и в том ведает бог да государь, как к тебе учнет жалованье свое держати».

Да паша же говорил Ивану: «Которая, господине, рухлядь Мамет-Чилибеева осталась после его на Москве у торговых людей, и государь бы деи в тое рухлядь не велел вступатися».

И Иван сказал: «Которая, господине, рухлядь Чилибеева изгубла в почапее, чего не сыскали, и государь за ту рухлядь велел и деньги заплатити: по государя нашего приказу государя нашего казначеи за тое рухлядь Чилибею из казны и деньги заплатили».

А Маамет-Чилибей в те поры туто же у паши был и сказал, что его за тое рухлядь, которая изгубла в почапее, деньги дошли все сполна, да бил челом паше: «Которую господине у меня рухлядь на Москве имали в цену торговые люди, а деньги ещо не все заплатили, и Селим бы салтан пожаловал — для того велел отпустить мне племянника со государевым послом с Иваном Новосильцовым». И паша о том говорил Ивану, что с ним ехал к Москве Чилибеев племянник.

Да после того в неделю, канун оспожину заговейну, прислал к Ивану Маамет-паша с чаушем грамоту в отласном меху в золотном запечатану, а сказал чауш, что деи грамоту послал ко государю Селим-салтан, да ко государю же деи Салтана приказал челобитие. Да чауш же дал Ивану две грамоты от салтана же в Кафу да в Азов о дороге, о судех и о провожатаех, чтоб Ивану пойти до государевы, царевы и великого князя, украины поздорову.

А пошел Иван изо Царягорода в оспожино заговейно на первой неделе, в среду, августа в 2 день. А с подворья его до карабля проводили приставы да енычане, а корму турского на путь не дали ничего, а проводити послали тех же людей, которые из Кафы во Царьгород провожали.

А как Иван в Кафу пришел, и стоял в Кафе у Нозыря же на подворье, а еству варили у Нозыря же и кормили Ивана из розходу из салтановы казны.

Да в Кафе же Ивану сказывали, что деи Крымской думал с своими царевичи и з ближними людьми, чтоб послати им наперед на Дон из Крыму казачьих атоманов и татар и казыевых казаков, а приходити б им ночью и громить Ивана на Дону, а для деи того ночью приходити,

чтоб никто не узнал татар, которые учнут громити, а крымскому б царю от Турского в том не быти в слове. А громити деи было для того, что деи к нему Иван в Крым не заехал. И Иван про то сказал Касиму кафинскому — кое Крымской втай посылает под него людей на Дон для погрому, а он бы о том отписал к Турскому, чтоб ему то было в ведомо. И Касим сказал: «То, господине, добре добро, что еси про то уведал, и яз о том ко государю своему отпишу, да и х Крымскому прикажу, и погрому, господине, на тебя не будет. Хоти и было Крымскому и послати тебя громити, и он ныне не пошлет, что еси уж про то уведал. А в Азов, господине, яз о том к Айдару прикажу и грамоту пошлю, чтоб тебя велел из Азова проводить до государевых людей бережно, да и х Казью о том отпишу же, а Казый служит государю нашему и олафу емлет и на своих казаков, да и нагайские, господине, мирзы сего лета недавно приклонились к нашему ж государю, и за то, господине, яз изымусь, что уж на тебя от крымских и от казыевых и от нагайских погрому не будет».

Да Касим же говорил Ивану: «Что деи, господине, тебе паши о Казани и Асторохани говорили?». И Иван сказал, что с ним паши Казани и Асторохани ничего не говаривали.

Ивану же сказывали: «Была деи кличь в Кафе крымским татаром, чтоб они лошади кормили и готовы были на службу с крымским царем в осень, как лед станет, а будто итти Крымскому на Литовского».

Да при Иване же приезжал из Крыму в Кафу х Касиму татарин, а присылал деи его Крымской проведывати про Ивана, какова ему была честь от Турского и от пашей.

В Кафе же говорили крымские татарове со государевыми служилыми тотары: «Государь деи московской с Турским помирились, а нашего деи Крымского Турской хочет извести, и мы деи все государю своему говорили и на прямом слове стали, что деи нам своего государя Турскому не выдати, и против Турского и Московского стояти крепко. А будет деи сила несяжет и мы деи все попрем вместе и не дадимся деи никому».

А как Иван ис Кафы пошел, и Касим ко государю, царю и великому князю, послал от себя грамоту, а Ивана послал до Азова проводить, и корм на путь дал свой, а про Иванову грамоту Михайлова сказал, что он ее отослал во Царьгород к Маамет-паше со государевою грамотою вместе, которую к нему отослал Иван с служи-

лым татаринном. «А тебе деи есми тое грамоту велел показати на дороге человеку своему, а отослал деи яз грамоты для того — придчею хто тем примолвитца нашему государю, и яз бы деи в том в слове и в опале не был». А Ивану Касимов человек грамоты на дороге не казывал, а что по Иваново грамоте ответ был, и Касим про то не сказал ничего же.

А как Иван в Азов пришел, и Сефер его встретил на берегу, а с ним было людей на встрече немного, а которые были в Азове приказные люди наперед того, и Ивана встретили, и тех людей с Сеферею и в Азове не было. И Иван про тех людей себе втай спросил, где же люди ныне.

И азовский жилец, Сидором зовут, Чечюкин в спесивом сказывал, что деи азовской бешлейской вылазной воевода поехал на Русь на украину в войну с казыевыми татары, а всего деи их пошло человек з двести тысечи, да и Адаровы деи люди азовского санчака с теми же людьми на Русь пошли, а тому уж больши месяца, как они из Азова пошли.

Да при Иване же привели в Азов с поля государевых, царя и великого князя, детей боярских, которые были в станице, Андрея Микулина с товарищи, а взяли их азовцы на поле.

И Иван о том говорил азовскому санчаку Айдару: «Меж, господине, государей ныне сставаецца доброе дело, а азовские деи люди пошли на государя нашего украину воевати, а твои деи люди с ними пошли же, да азовцы, господине, взяли государя нашего станицу на поле детей боярских, а ныне же дети боярские здесе, и то, господине, добро ли ты так чинишь и меж государей ссари-ваешь? И не вели, господине, тех детей боярских продавати за море, которых взяли в станице. А мне, господине, про то про все сказати своему государю, а государю нашему о том на тебя писати к турскому салтану».

И Адар сказал: «Как, господине, яз приехал из Керча в Азов, а же те азовские люди нарежаютца, а итти им, сказали, на черкасы воевати, и яз, господине, сведал, что те азовцы идут на Русь, не на черкасы, и яз им говорил, чтоб они на Русь не ходили и меж бы государей ссоры не чинили, и они от меня утаились и пошли деи на Русь с казыевыми татары, а меня не послушали, а яз, господине, своих людей с ними не посылавал и моих людей с ними нету, и яз, господине, на тех азовцов отпишу к своему государю и салтану, а как те азовцы придут с Руси, и

будет у них полон русской, и яз у них тот полон отниму до государя своему указу, а государевых, господине, детей боярских, станишников, взяли на поле казыевы татарове, а не азовцы, а меня они не слушают».

Да Сидор же Чечюкин сказывал: «Однолично деи Айдаровы люди на Русь пошли, а ходят деи азовцы на Русь с казыевыми людьми и воруют заодин, и всякие деи вести с Москвы привозят нагайские татарове, у которых мурзы живут на Москве. Да нагайские ж деи мурзы присылали из Нагаи послов х Казы-мирзе, да х Крымскому, чтоб они пошли к Асторохани в осень как лед станет, и мы деи ваших воинских людей прокормим и Азсторохань возьмем. И Крымской деи царь и Казы-мирза на сей осени к Азсторохани готовы по леду, а с ними нагаи. А говорили деи крымцы меж себя, будто итти Крымскому на Литовского, а говорили для того, чтоб государю царю и великому князю про азстороханской поход известно не было, что им итти к Асторохани. Да крымской же отпустил в Нагаи своих послов, как Иван приехал из Царягорода в Азов, а турецких людей с ними под Астороханью не будет».

Да Ивану ж сказывал крымской полоняник, а пришел в Азов при Иване: «Присылали деи х Крымскому нагаи для того, чтоб он пошел под Асторохань, как лед станет, а приказали деи нагаи — мы деи тебя и твоих воинских людей прокормим и Азсторохань возьмем».

А в Азове ныне наряду, которой был привезен для астороханского походу, — три пушки больших, а ядра у них поменьши головы человечьи, да под теми пушок с тридцать полковых, а стоят в городе, а старого наряду, сказывают, в Азове есть много, а лежит деи на береженье. А запасу людцкого, муки и ячмени в Азове добре было навожено много летось для астороханского походу. Да в Азове же лежит запас, которым было делати перекоп з Дону на Волгу: лопат и заступов, и топоров, и просеков всего 16 тысяч. А ино деи наряд пушки отвезены из Азова назад во Царьгород сего лета, а запас людцкой — муку и ячмень — почали отвозити, как Иван был во Царегороде, а которые карабли пришли в Азов с Иваном вместе, и в те корабли покладали муку и ячмень и повезли в Кафу, сказывают, продавати, а иной запас перегнил и лежит не в береженье. А вперед к Асторохани от Турского войны в Азове не чают же.

А корм давали Ивану в Азове и до походу, а как из Азова пошел, и Айдар его послал проводить человек сорок

до государевых царя и великого князя атоманов и казаков, а корму на путь не дал, а проводили Ивана азовцы, не дошед первые станицы атаманские, под Кобяково городище.

А пришед Иван на Дон, о астороханском походе писал в Азсторохань к воеводам, х Долмату х Карпову с товарищи, з донским атоманом с Нечаем з Башмаковым с товарищи сентября в 27 день, от Цымлы-реки не дошед Переволоки, чтоб им то было в ведомо, кое Крымской и Казый и нагаи будут к Асторохани сее осени, как лед станет.

А после того о том же астороханском походе писал ко государю, царю и великому князю, с служилым татаринном з Балгилдеем з Девлеткозиным октября в 9 день, перешед Переволоку.

Да Иван же Новосильцов сказывал, что на первой день, как он пришел в Царьгород, и принесли ему царева корму 9 овец да 50 куров, 10 голов сахара, 6 свеч вощаных, 2 кожи овечьих шарапу. А поденного цареву корму давали Ивану и подьячему и толмачом и кречатнику по 80 хлебов, да на три дни по 6 голов сахара, по 10 золотников перцу, по 10 золотников гвоздики, по 10 золотников шефрану, по осмине без четвертника пшена сорочинского, по 6 свеч вощаных, по 6 гривенок пресного меду, по 6 гривенок коровья масла, по 9 овец, да в неделю пригоняли по 12 овец, по гривенке зетинного масла, по 2 гривенки соли, да в рыбной день рыбы приносили на день по пяти и по шти и по десяти рыб и боле того, а иногда меньши, и те не велики, по ковшу ягод зетинных, а иногда меньши, а мало их и носили, по 2 связки луку, по 20 пудов чесноку, по кувшинцу уксусу, по 10 ведер шарапу, по 4 пучки ретки, да одна принесли сперва преснова меду кадочку пудов в пять.